

На вопросы главного редактора журнала «ЗАКОН»
Яна Пискунова отвечает
президент Московской областной Нотариальной Палаты
Станислав Вячеславович СМИРНОВ

МЫ ДОКАЗАЛИ ПРЕИМУЩЕСТВО НОТАРИАЛЬНОЙ ФОРМЫ

— Юридическое сообщество переживает убийство адвоката Станислава Маркелова и журналистки Анастасии Бабуровой. Год назад трагически погибли президент Московской областной нотариальной палаты Владимир Челышев и исполнительный директор Олег Петринский. Как Вы считаете, профессия юриста становится опасной?

— Сказать, что юридическая профессия особо опасна, я не могу, поскольку множество специальностей связано с гораздо большим риском для жизни. Что же касается рокового стечения обстоятельств, повлекших гибель наших коллег и товарищей, то это связано с конкретной ситуацией, и всем юристам прекрасно известно, что отсутствие неотвратимости наказания влечет попустительство и дальнейший разгул преступности. До сих пор не расследовано дело об убийстве президента Федеральной нотариальной палаты Анатолия Ивановича Тихенко. Что же касается трагедии в нашей нотариальной палате, на мой взгляд, недостаточная активность следственных органов не позволяет ответить на вопрос о заказчиках и исполнителях этого преступления. Напомню, оно произошло в июле прошлого года. Нотариальное сообщество активно откликнулось на эти трагические события, большое количество нотариусов и нотариальных палат приняли участие в прощании с нашими товарищами. По нашей инициативе, поддержанной Федеральной нотариальной палатой, в августе прошлого года был проведен день памяти погибших. Сейчас следствие ведется, но очевидных результатов пока нет. Нотариусами были собраны значительные средства для помощи в расследовании убийства. Они использованы по назначению, но в интересах следствия я не могу достаточно подробно раскрыть эту информацию.

— Вы упоминали, что помощь была оказана нотариальными палатами субъектов Федерации. Как отреагировало остальное юридическое сообщество?

— Реакция имела место только со стороны отдельных юридических изданий. Само по себе юридическое сообщество, представители адвокатуры, судов или юридического бизнеса не отреагировали никак. Думаю, что это связано с общим, я бы сказал, не вполне позитивным взглядом на нотариат. После совер-

шения этого убийства те, кто негативно к нам относился, крепче утвердились в своем мнении, и, наверное, этим вызвано такое пассивное отношение юристов. Если сравнивать общественный резонанс, который был вызван этими схожими преступлениями, то заметна абсолютно разная направленность освещения в средствах массовой информации. Сейчас многие говорят о том, что идет активное наступление на всех юристов, а в прошлом году ситуация подавалась именно как конкретный, частный случай.

— Расскажите, пожалуйста, о том, как Вы пришли в нотариат.

— Я родился в семье военнослужащего. После службы в армии окончил юридический факультет МГУ и работал адвокатом, народным судьей, затем судьей областного суда. Некоторое время я был заместителем председателя Московского областного суда, затем мне доверили должность начальника Управления юстиции Московской области. В нотариате я двенадцать лет, в январе 2004 г. был избран вице-президентом, а в октябре прошлого года — на пост президента нашей нотариальной палаты. Но со свободным, небюджетным нотариатом я связан с 1993 г., поскольку в качестве начальника управления юстиции я собирал и проводил первое учредительное собрание областных нотариусов.

— В настоящее время ведется деятельность по подготовке нового закона о нотариате. Считаете ли Вы оптимальной сложившуюся структуру небюджетного нотариата и какие, по Вашему мнению, положения необходимо отразить в новом законодательстве?

— Говоря о структуре нотариата, я бы хотел заострить внимание на двух возможных подходах. Первый заключается в следующем. Когда в начале 1990-х годов шла борьба за суверенитеты, президент Б.Н. Ельцин сказал: «Берите суверенитета столько, сколько сможете взять». Нотариат не стал исключением, и на этой волне были приняты Основы законодательства Российской Федерации о нотариате. Они не только декларировали, но и реализовали идеи суверенитета, и сегодня самостоятельность нотариальных палат субъектов Федерации очень высока. На мой взгляд, более правильной является вторая точка зрения, согласно которой существует единый российский нотариат. Каждый нотариус, как и судья, действует от имени Российской Федерации, имеет печать с ее гербом.

Публично правовая деятельность нотариуса осуществляется от имени всего государства, а не от имени субъекта, поэтому у нотариуса должен быть федеральный статус. На самом же деле сегодня ведущим звеном являются нотариальные палаты субъектов Федерации, и Федеральная нотариальная палата вынуждена считаться с ними, прислушиваться и действовать только по велению умов, сердец и решений, которые принимают нотариальные палаты субъектов. Мне кажется, что в ходе реализации новой Концепции и разработки нового законодательства необходимо придать стройность этой системе.

Федеральная нотариальная палата должна приобрести больше возможностей, начиная с организации деятельности всего российского нотариата и кончая организацией деятельности конкретного нотариуса. Это связано и с отчислением единых взносов, и с унификацией законодательства, которое было бы наиболее прогрессивно реализовано в субъектах Федерации. Ведь вся деятельность даже Международного союза нотариата сейчас направлена на унификацию законодательства, и в особенности на уни-

фикацию нотариальных актов. В настоящее время в нотариате существуют такие формы взаимодействия, как окружные координационно-методические советы. Началось с Северо-Западного округа, а сейчас такие советы действуют почти во всех федеральных округах. Но все равно это попытка найти общие решения и подходы для какой-то группы палат, например Центрального федерального округа.

Если реализовать идею о главенстве Федеральной нотариальной палаты, а не о формальном ее участии в представительстве нотариусов, то, как мне кажется, это было бы в интересах каждого нотариуса в отдельности и всего нотариата в целом. Разрозненность в подходах, разное видение путей применения правовых норм не идет на пользу.

Я думаю, что реализация в ходе изменения законодательства идей о большей централизации нотариата способствовала бы его укреплению.

— Каким Вы видите место президента в структуре нотариальной палаты?

— Руководитель — это всегда лидер, и важно, чтобы у него был авторитет среди подчиненных, при его отсутствии он не сможет реализовать предоставленные ему полномочия. Мне кажется, что бесконечное пребывание на должности руководителя одного и того же человека вредит нотариальным палатам. Конечно, авторитет многих президентов палат безупречен, но существует такое явление, как боязнь оставить свое место. Поэтому в уставах палат следует закрепить особое положение бывшего президента. Здесь я проведу аналогию с Международным союзом латинского нотариата, где определено, что президент, чьи полномочия истекли, уходит в отставку в качестве почетного президента. Благодаря этому он продолжает приглашаться на мероприятия палаты, с его мнением считаются при принятии решений. Сменяемость, безусловно, должна быть, и тому есть хорошие примеры, в том числе и в руководстве нашей страны. Поэтому я считаю, что нужно ввести норму, ограничивающую количество сроков пребывания на посту президента палаты. Есть, конечно, уважаемые люди, которые с 1993 г. возглавляют палаты, но они ничуть не потеряли бы, если бы освободили это место. Вообще, хочется отметить, что представительство — это сложная система. При определении структуры правления Федеральной нотариальной палаты желательно было закрепить места хотя бы для одного представителя от каждого федерального округа.

— Московская область — крупный регион. Как Вы полагаете, имеется ли необходимость в создании промежуточных структур в пределах, например, административных районов, которые могли бы помогать нотариусам в тех случаях, когда нет необходимости обращаться в нотариальную палату субъекта Федерации?

— Мы столкнулись с подобной проблемой, когда количество членов нотариальной палаты перевалило за четыре сотни и внутренние процессы стали трудноуправляемыми. В результате два года назад мы создали систему координаторов. Это лица, которые избираются общим собранием нотариусов округа и утверждаются решением правления палаты. Их задача — координировать действия нотариусов нотариального округа и в то же время осуществлять связь между ними и правлением или аппаратом палаты. Таких координаторов около 60 человек, это количество позволяет действовать более согласованно.

Пока эта система нас устраивает, ведь совсем «заорганизовать» нотариусов тоже нельзя. Сейчас помимо научно-методического совета мы создали целый ряд комиссий, они отчасти сходны с теми, которые существуют в федеральной палате. У нас есть комиссия по профессиональной чести, имиджу и информатизации. Есть Кодекс чести нотариусов Российской Федерации, в нашей палате аналогичный кодекс был принят еще за два года до того, как его приняла Федеральная нотариальная палата. Комиссия должна следить за соответствием деятельности нотариусов положениям этих актов. Она также работает над наполнением нашего сайта и отвечает на вопросы, задаваемые заинтересованными лицами. Есть отдельная комиссия по проверкам профессиональной деятельности, ее возглавляет вице-президент палаты. Также созданы комиссии по наградам, по культурным связям, спорту и связям с регионами, по социальной помощи и поддержке. Есть идея о создании комиссии по работе с молодыми нотариусами. Мы хотим выделить ее в отдельное направление, это очень серьезный вопрос. Недавно в Петербурге проходило мероприятие, связанное с деятельностью молодых нотариусов. Приезжали коллеги из Франции и рассказывали, что у них проблемам становления вновь назначенных нотариусов уделяется повышенное внимание.

— Вы упомянули про наставничество и комиссию по поддержке молодых нотариусов. Расскажите, пожалуйста, кто в последнее время приходит в профессию?

— У нас, конечно, есть специфика, поскольку Московская область — привлекательный регион, куда стремятся люди. Поэтому всегда имеются желающие из других регионов, которые хотят сюда приехать и работать. Вместе с тем у нас идет подготовка своих собственных кадров, отчасти это профессиональные династии. Почему-то подобное осуждается только в нотариате, но не в других профессиях.

В последние 2—3 года мы вынужденно ограничили прием стажеров, поскольку до 40% после стажировки не шли работать в нотариат. Мы пришли к выводу, что подготовка столь значительного количества специалистов, во-первых, нерациональна и затратна, а во-вторых, не соответствует нашим потребностям. Сейчас каждый год мы принимаем только по 20 стажеров. Конечно, повысилась конкуренция среди соискателей, более строгим стал подход к возможности сдать экзамен. Вместе с тем выше стал уровень подготовки соискателей. Отрадно, что большое количество нотариусов, которые получали лицензии у нас, уже работают в других регионах, в том числе в руководстве некоторых палат, что свидетельствует о высоком качестве подготовки.

К нам редко приходят юристы сразу после выпуска из вуза, за исключением тех, кто обучался параллельно с работой в нотариальной конторе. В основном нотариусами становятся уже опытные юристы из судебной системы, прокуратуры и адвокатуры, но порядка 60% это сотрудники, которые работают в нотариальных конторах — московских либо нашей области.

Во многих государствах считается, что венцом юридической профессии является суд. В Японии, наоборот, так относятся к нотариусам. У нас же до этого, к сожалению, далеко.

Проиллюстрирую это тем, как поощряются нотариусы государством. Последние 3—5 лет представления о присвоении нотариусам звания заслуженного юриста и награждении государственными наградами оставались в Отделе наград Администрации Президента без движения. Активно идет судебная реформа, недавно прошел VII Всероссийский съезд судей. Несмотря на разность подходов к некоторым

вопросам судей Конституционного Суда, арбитражных судов и судов общей юрисдикции, все равно они едины в желании реформировать, определять направление развития, в оценке высокой значимости и высокого политического статуса юристов, которые работают в судах. Соответственно они получают такую же оценку со стороны государства. Этого нельзя сказать о нотариусах, хотя нотариат — это более 7,5 тыс. только нотариусов, не говоря уже о большом количестве стажеров, помощников и иных сотрудников. Среди них есть люди, беззаветно отдавшие все, вплоть до своей жизни, служению закону. Мы со своей стороны активно стараемся пропагандировать деятельность нотариусов и поддерживать ее. В конце 2008 г. отмечалось 15-летие нашей нотариальной палаты, и 115 нотариусов Московской области были поощрены доступными нам наградами губернатора, областной Думы, Уполномоченного по правам человека и Федеральной нотариальной палаты. Я думаю, что профессия престижна, когда она отмечается, в том числе и коллегами по сообществу, и остальными представителями общественности. Посмотрите, как ярко и выразительно проходят вручения премии «Фемида». Хотелось бы, чтобы участие Федеральной нотариальной палаты в таких мероприятиях было более активным.

— Как Вы можете охарактеризовать возврат нотариата в сферу ведения Министерства юстиции?

— Нотариату свойственно подчинение Министерству юстиции РФ. Хотя в советский период он некоторое время находился в ведении судов, этому тоже было объяснение: сам термин «превентивное правосудие». Но если суды имеют возможность оценивать и делать свои выводы на основании своих собственных убеждений и анализа доказательств, то нотариат действует в рамках бесспорной юрисдикции, поэтому не так свободен в маневрах. В связи с этим возврат в Министерство юстиции, безусловно, является знаковым фактом. Взаимопонимание с контролирующими органами стало лучше, нежели с предыдущими организационными структурами. Я думаю, что мы на правильном пути. Взаимодействие с министерством заключается в организации главных мероприятий, как то: прием экзаменов, введение должностей. Количество нотариальных округов и нотариусов в них определяется законом области, но по совместному представлению от органа юстиции и нотариальной палаты. Кроме того, существует и повседневная деятельность, которая состоит в постоянном контроле и участии в проверках работы нотариусов. Представители органа юстиции присутствуют на заседаниях правления, а также на семинарах, которые проводятся нотариусами. Кроме всего прочего, существует еще самый главный контроль, который осуществляется за нотариальной деятельностью, — судебный.

— В этой связи хочется узнать, практикуется ли в Московской областной нотариальной палате сбор и анализ судебных актов по обжалованию действий нотариусов, а также по оспариванию тех сделок, которые они удостоверяют? Имеется ли взаимодействие с судами?

— На уровне нотариальной палаты и Московского областного суда взаимодействие достаточно продуктивное. Суд приглашает представителей нотариальной палаты на свои конференции, судебная коллегия по гражданским делам приглашает на совещания, связанные с вопросами, которые относятся к деятельности нотариата — сделками с недвижимостью, обжалованием действий нотариуса. В свою очередь мы приглашаем судей на нотариальные семинары, председатель судебной коллегии по гражданским делам у нас частый гость. Подобные мероприятия, на мой взгляд, на практике двигают процесс и

способствуют лучшему пониманию между юристами, которые представляют разные направления нашей общей профессии. Непосредственно взаимодействие заключается еще и в том, что мы несколько раз проводили обобщение судебной практики, связанной с деятельностью нотариусов, например, по спорам, связанным со сделками в простой письменной форме и нотариально удостоверенными. Мы доказали, что преимущество нотариальной формы бесспорно. К сожалению, это очень большая и кропотливая работа, поэтому ее сложно проводить регулярно.

Что же касается аналитики, отмечу следующее. Статистика деятельности нотариусов, связанная с вынесением постановлений об отказе в совершении и обжаловании в суд нотариальных действий, достаточно неплохая. Нотариусы области выносят порядка 2 тыс. постановлений об отказе в совершении нотариальных действий в год, из них обжалуется в суд порядка 100—150, и только 20—25 жалоб удовлетворяется. Это ничтожный процент по сравнению с тем количеством нотариальных действий, которые совершают нотариусы.

— В конце прошлого года в корпоративное законодательство внесены серьезные изменения, которые расширяют участие нотариуса в обеспечении деятельности коммерческих организаций. Каково Ваше отношение к данным новеллам?

— Мы положительно оцениваем нововведения, которые были внесены в законодательство 30 декабря 2008 г.

Очевидно, что участие нотариуса в правовом обеспечении отчуждения участником третьему лицу доли в уставном капитале общества даст свои положительные результаты. Думаю, что законодатель мог пойти дальше и распространить эти положения на случаи отчуждения долей самого общества.

Порой мы сами порождаем проблемы, существующие в нашем государстве. В России были требования по приданию обязательной нотариальной формы целому ряду сделок. Потом государство отказалось от этого, а в результате мы до сих пор вынуждены бороться с рейдерством. Теперь законодатель полагает, что устранить это явление можно путем обязательного участия нотариуса в оформлении отчуждения долей в обществе. Нотариальное удостоверение сделки призвано обеспечить ее соответствие закону и защиту прав всех участвующих в ней лиц. Поэтому в целом я положительно оцениваю эти нововведения, но они требуют проработки и вдумчивого подхода со стороны правоприменителей. Конечно, еще больше вопросов появится, когда начнется реальное применение этого законодательства.

— Сделки, касающиеся перераспределения контроля над корпорациями, стороны часто подчиняют нормам зарубежного права. Как Вы полагаете, способен ли нотариус в подобной ситуации помочь сторонам сделки?

— Нотариат за последние годы очень серьезно изменился. Нотариус в силу высокой ответственности, которая на него возложена, очень серьезно относится к своей профессии и тем задачам, которые перед ним стоят. Он не стесняется спрашивать, регулярно повышать уровень квалификации, ходить на учебу. В силу привлекательности профессии в нее пришло уже немало людей, которые свободно владеют

одним или несколькими иностранными языками, проходили стажировку и учились за рубежом, знают иностранное право. Также хочу отметить, что каждую третью среду месяца нотариусы собираются на семинары и обсуждают практику, изменения законодательства. Как у судей, и даже чаще, у нас проходят курсы повышения квалификации. Конечно, не все сто процентов нотариусов будут работать с зарубежным правом, но этого и не требуется. Достаточно того, чтобы в округе или палате было несколько специалистов, которые могли бы проконсультировать или подсказать пути для изучения материала. Поэтому я думаю, что не совсем дальновидно сводить деятельность сегодняшнего нотариата к бытующему представлению, что это заверение копий и удостоверение доверенностей.

Нельзя забывать и о другой стороне медали. Поскольку профессия нотариуса — публично-правовая и первое слово все-таки «публично», мы даже строго спрашиваем с тех нотариусов, которые пытаются замкнуться на определенной группе клиентов. В 1990-е годы было очень распространено явление, когда нотариус располагался в помещении какого-либо банка или корпорации. И он работал, собственно, только на этот банк или корпорацию, остальные клиенты не имели к нему доступа. Может быть, нотариус и должен специализироваться на оформлении сделок, связанных с корпоративным правом, но это не снимает с него обязанности обслуживать лиц, обращающихся к нему за совершением других видов нотариальных действий.

— Со времени реформы наследственного законодательства прошло уже более семи лет. Оказались ли востребованными практикой закрытые завещания, расширение очередей наследования и иные нововведения?

— Наследственные дела — это самая сложная категория в профессиональной деятельности нотариуса. Нотариусы активно обсуждают спорные вопросы наследственного законодательства на семинарах и конференциях, изучают эти проблемы, немало в этом направлении делает и екатеринбургский Центр нотариальных исследований. Что касается такой формы, как закрытое завещание, то оно в большей степени свойственно западным правовым системам, а отечественный законодатель пошел в данном случае на поводу у моды переносить чужие правовые нормы в российскую правовую систему. Я думаю, что закрытое завещание актуально в тех случаях, когда, как за рубежом, существует значительный бизнес, большое количество родственников и наследодатель не хочет до последнего дня раскрывать свою волю для того, чтобы не подорвать свой бизнес и не поссорить родных. Нашей стране это присуще в гораздо меньшей степени из-за низкого уровня жизни, а также потому, что отечественное правовое регулирование в достаточной степени обеспечивает защиту как тайны завещания, так и нотариальной тайны в целом. Так что можно констатировать, что случаи удостоверения закрытых завещаний единичны, в нашей нотариальной палате их бывает порядка 3—5 в год. Поэтому ни одного реализованного закрытого завещания, ни одного судебного разбирательства в качестве примера привести пока невозможно. Я думаю, что это не совсем характерное явление для правовой системы и для нотариата России.

— Несмотря на сложности, которые вызывает применение норм наследственного права даже у профессионалов, которые регулярно с ним сталкиваются в своей деятельности, законодатель предоставил возможность совершения отдельных видов нотари-

альных действий органам местного самоуправления. Как складывается практика в этой области?

— У нас очень большая страна, а плотность населения, к сожалению, продолжает падать. Поэтому сложно обеспечить нотариусом каждый населенный пункт, особенно в условиях небюджетного нотариата.

Органы местного самоуправления добились того, что теперь законом их должностным лицам предоставлено право на совершение отдельных нотариальных действий, порядка пяти категорий. Даже при серьезной, кропотливой подготовке, конечно, и нотариусы тоже допускают ошибки, а среди неподготовленных лиц такие ошибки кратно множатся.

— Нам казалось, что в Московской области с учетом развитого транспорта и количества нотариальных контор совершение нотариальных действий должностными лицами органов местного самоуправления не будет востребовано клиентами. Как оказалось, мы ошиблись, потому что в 84 муниципальных образованиях были приняты решения о возложении исполнения этих обязанностей на должностных лиц органов местного самоуправления, и за прошедший год они совершили 5023 нотариальных действия. Это достаточно много и неожиданно для нас. Мы предложили органам власти на уровне субъекта Федерации урегулировать этот процесс, наша палата подготовила проект соответствующего закона. Если обратиться к профессиональной деятельности нотариусов, то она достаточно регламентирована. Мы можем говорить о совершенстве или несовершенстве закона, о том, что он достаточно стар и т.д., но деятельность нотариуса регламентирована подробно. Кроме того, существуют правовые традиции, что особенно важно для юридической профессии. А нотариальная деятельность представителей муниципальных образований не урегулирована ничем. Поэтому мы попытались в законопроекте предложить возможность назначения на эту должность, во-первых, лиц, имеющих юридическое образование. Вторым критерий связан со стажем деятельности, ведь даже Закон о государственной службе предусматривает назначение на соответствующие должности лиц, имеющих определенный опыт работы. Третий вопрос, который мы пытаемся в этом законопроекте урегулировать, это проблема ответственности. Ведь завещание — это документ, который невозможно ни восполнить, ни исправить после того, как человек уходит из жизни. Возможны ли злоупотребления? Да, конечно, они возможны, как и везде, поэтому возникает вопрос об ответственности. Нотариус отвечает всем своим имуществом. Если прежде профессиональная деятельность нотариуса страховалась палатой, то теперь закон требует еще и самостоятельного страхования со стороны нотариуса. Поэтому в законопроекте мы предлагаем определить пределы и размеры ответственности. Если этот законопроект будет реализован в рамках нашей области, тогда можно будет с должностными лицами муниципальных образований провести разъяснительную работу и, как мне представляется, будет не так уж много горячих голов, которые тысячами будут совершать нотариальные действия. Если посмотреть статистику, то значительно чаще, чем нотариальные завещания, оспариваются документы, удостоверенные такими лицами. За год органы местного самоуправления удостоверили 238 завещаний. Значит, будет 238 наследственных дел. Хорошо еще, когда завещание простое, если же будет сложная конструкция, то скорее всего без судебного разбирательства не обойтись.

— Каково Ваше мнение относительно сложившейся ситуации, связанной с постепенным снижением тарифов, отменой обязательного нотариального удостоверения ряда сделок и реализацией закреп-

ленных в Основах принципов самофинансирования и полной ответственности нотариуса?

— Сложность вопроса о пошлине, взимаемой за совершение нотариального действия, во многом связана с прекращением действия норм о компенсации расходов, связанных с предоставлением льгот по уплате тарифа для отдельных категорий лиц. С одной стороны, социальное государство провозглашает определенные льготы, а с другой — оно перекладывает экономическое бремя их предоставления на нотариуса, никоим образом не компенсируя, даже в налоговой сфере, эти расходы. Нотариусы практически всех регионов оспаривали действия налоговых органов в судах, обращались в Министерство финансов. На мой взгляд, ошибочна сама стратегия подхода к решению этих вопросов.

Нотариальная деятельность — это действие и тариф за его совершение. Что отображает размер этих тарифов, не знает никто, так же как никто не способен сформулировать их экономическое обоснование. Если бы стадийность деятельности нотариуса была грамотно расписана в соответствующем процессуальном кодексе, тогда мы бы видели этапы его работы и могли бы оценить понесенные им затраты. В результате можно было бы экономически обосновать размер необходимого тарифа.

Несколько лет назад наша палата поручила правлению разобраться с этим вопросом, и я обращался в самые разные инстанции, научно-исследовательские институты, но никто не брался за эту работу, потому что ученые не могли просчитать те стадии и объем работы, которые совершает нотариус. Размер той пошлины, которая зафиксирована в Налоговом кодексе, не отвечает ни затратам нотариуса на совершение нотариальных действий, ни затратам, связанным с содержанием его аппарата. Нотариусы вынуждены устанавливать оплату, связанную с проектно-технической работой. Мы стараемся держать такие инициативы под контролем правления, поэтому соответствующее решение о рекомендательном тарифе принимается правлением палаты. Существуют разные точки зрения относительно правильности такого подхода, но любое регулирование лучше, чем его отсутствие.

— Как Вы относитесь к идее создания государственных юридических бюро для помощи малоимущим гражданам?

— Мне представляется, что это не вполне правильный путь. Можно обратиться к существующему мировому опыту создания бюджетных коллегий адвокатов: в них, как правило, ниже уровень специалистов, поскольку там работают юристы-стажеры, только входящие в профессию. А создание отдельных бюро в том виде, в котором это сейчас предлагается, неудобно и для населения, поскольку для полного охвата территории таких бюро должно быть много, и для бюджета, так как функционирование требует значительных затрат.

— Как Вы полагаете, не является ли для современного нотариата актуальным опыт кадровой работы в суде, когда через три года сообщество оценивает работу вновь назначенного судьи? Каким образом следует осуществлять контроль за деятельностью юриста?

— Как показал VII Всероссийский съезд судей, профессиональное сообщество уже отходит от такой

модели «выдерживания на крючке». Если юрист плохо работает, то нет необходимости ждать окончания какого-либо срока: чем раньше такой «специалист» лишится должности, тем лучше.

Что же касается повышения квалификации, то мне представляется обоснованной позиция Московской городской нотариальной палаты, что годовой срок стажировки недостаточен. В Италии, Франции и Германии стажировка идет дольше, так что возможно хорошо изучить юриста и проанализировать качество его работы. Ведь при переходе в нотариат сам по себе срок работы в другой юридической отрасли еще ничего не определяет. Не надо стесняться увеличения срока подготовки нотариуса, это пойдет только на пользу нотариату.

Кроме того, мы столкнулись с еще одной проблемой. После назначения на должность лицо начинает всячески оттягивать начало работы под предлогом проблем с помещением, здоровьем и т.д. После чего в конце года нотариус зовет комиссию на проверку. А что проверять, если он почти не совершал нотариальных действий? В прошлом году мы решили в качестве инструмента борьбы с такими явлениями исчислять годовой срок не с момента назначения, а с даты первого совершенного нотариального действия.

Внеочередные проверки реализуются, когда есть сигнал — обращение граждан, частное определение суда, постановление следственных органов, — отреагировать на который невозможно без проверки деятельности нотариуса прямо в его конторе.

— Достаточно ли у нотариальной палаты возможностей воздействия на нотариуса при обнаружении каких-либо ошибок в его работе?

— К сожалению, хватает не всегда. Проиллюстрирую этот довод следующим примером. В случае обнаружения существенных нарушений законодательства нотариусом до тех пор, пока он не лишен полномочий, ни у нотариальной палаты, ни у суда нет права приостановить действие его лицензии. Как показывает практика, после обращения нотариальной палаты с иском о лишении нотариуса лицензии до вынесения судом решения и вступления его в законную силу проходит весьма значительный промежуток времени. Некоторые решения не исполняются по несколько лет — нотариус уже лишен лицензии, но он не возвращает архив, печать, бланки. Палата вынуждена обращаться с новыми требованиями об изъятии документов, процесс опять затягивается на годы... Полагаю, что соответствующие нормы, позволяющие суду в порядке обеспечения требований нотариальной палаты приостанавливать действие лицензии, надо вносить если и не в нотариальный закон, то в процессуальные кодексы.

— Что бы Вы хотели пожелать российскому нотариату?

— Я бы очень хотел пожелать ему единства. Единства в понимании задач нашего сообщества и твердости в их исполнении. Недавно прошел Съезд адвокатов России. Их количество примерно в 10 раз превышает число нотариусов, но они имеют зафиксированную в уставе палаты возможность обсуждать свои предложения с представителями всего профессионального сообщества. Нотариат имеет куцую систему собрания представителей палат, фактически собрания президентов. Я считаю, что это большой недостаток организационной формы сообщества. Не надо бояться собрать большой форум нотариусов и выслушать мнение тысяч, а не десятков.

Как представляется, пришло время более тесного сотрудничества с представителями других юридических профессий и специальностей. Надеюсь, что Ассоциация юристов России, членами которой стали уже многие российские нотариусы, будет способствовать достижению этих целей. Также, на мой взгляд, особенно необходимо расширять контакты нотариата с системой арбитражных судов, тем более что новейшее российское законодательство уже подводит нас к тому, что предметом рассмотрения этих судов будут становиться нотариально удостоверенные сделки, и в особенности споры с налоговыми органами.

Источник: журнал «ЗАКОН» май 2009, стр. 271-278